

ПРОХОДЯ вечером по главной улице Дакара, я обратил внимание на одноэтажное здание довольно странного вида. Выбитые стекла, сломанные деревья, вывороченные булыжники — все наводило на мысль, что тут было землетрясение. Впрочем, эта мысль сразу отпала: соседние дома выглядели так, как им и было положено выглядеть. По-видимому, на моем лице было написано слишком явное любопытство, потому что проходивший мимо африканец остановился и сказал мне:

— Это бельгийское посольство, мсье. Здесь несколько дней назад проходила демонстрация протеста против интриг колонизаторов в Конго. Наши ребята показали этим убийцам, что мы о них думаем. Неплохая работа, а?

Он посмотрел на меня и добавил:

— Вы иностранец?

— Да. Я из Советского Союза. А кто вы?

— Рабочий. С ананасной консервной фабрики.—

В его веселых глазах зажглось любопытство.— Слушайте, вы правда оттуда?

Так мы познакомились с Мамаду.

Во время разговора я успел рассмотреть моего собеседника. Это был молодой человек, очень худой и очень высокий. Он носил небольшую бородку, придававшую ему сходство с Лумумбой. Старый-престарый пиджак висел на нем мешком, подчеркивая худобу плеч. Серая пыль лежала на его черных босых ногах...

Не знаю, было ли ему со мной по пути, или он просто решил не упустить случая поговорить с «человеком оттуда», но он не покидал меня до самого порта. Всю дорогу мы говорили. Не могу точно воспроизвести весь наш разговор, но это была удивительная беседа. Сначала он расспрашивал меня о Советском Союзе, о том, как живут рабочие и какие новые фильмы идут у нас, что представляют собой дома культуры.

Потом наступила моя очередь спрашивать. Я попросил его рассказать о себе. Он родился в семье лаабе — ремесленника, занимавшегося изготовлением деревянных масок и фигурок идолов, которые имели довольно большой спрос среди европейских туристов. Эти фигурки отец делал из дешевого красного дерева, а сын покрывал ваксой и при помощи обыкновенной сапожной щетки начищал до блеска. Так получались фигурки из «ценного черного дерева», которые продавали дьюла — местным торговцам, а те — туристам по три доллара за пару. Семья была большая, денег не хватало, и еще мальчишкой Мамаду стал «прирабатывать», клянча у богатых туристов деньги. Когда он подрос, это «ремесло» опротивело ему. Он поступил боем в лавку сирийца. С большим трудом отец устроил его в школу. Мамаду проучился четыре года, а затем поступил на телеграф учеником телеграфиста — тогда ему было 17 лет. На телеграфе старшим телеграфистом работал француз, очень хороший человек, который многому научил Мамаду. От него юно-

ша заразился страстью к чтению. За четыре года работы на телеграфе Мамаду прочел массу книг. Он познакомился с произведениями Золя, Эмерсона, Карлейля, русских авторов. Мне, русскому человеку, было приятно слышать из уст этого парня трудные русские имена Плеханова, Чернышевского, Белинского.

Протянув мне свои фиолетовые ладони в шрамах, Мамаду сказал:

— Вот эти шрамы — совсем свежие. Я работаю на фабрике недавно, а до этого я был функционером Африканской партии независимости. Эту партию запретили, многих ее членов арестовали. Меня тоже бросили за решетку, я сидел шесть месяцев в дакарской тюрьме. Вышел я два месяца назад и даже не пошел на старое место работы — на телеграф: знал, что меня не примут. Друзья устроили меня на фабрику.

Вот и все. Мы пришли к воротам, ведущим на территорию порта. В порт Мамаду не пошел, сказал, что не хочет попадаться на глаза полицейским. Мы обменялись адресами. Он добавил, что очень хотел бы поступить в Университет дружбы народов.

ФРУКТОВАЯ ЛАВКА

— Вы, наверное, удивитесь, услышав, что в Западной Африке не выращивают винограда. Хотите знать: почему? Его поедают термиты. В Африке виноград растет только на севере и на крайнем юге материка — там нет термитов.

Это гсворит нам марсельский торговец лесом Поль Леруа, брат которого, между прочим, владеет виноградником в северном Марокко. Угощая нас шабли в кафе «Париж», расположенном на одной из центральных улиц Абиджана, Леруа рассказывает историю о том, как его брат, решив расширить дело, вздумал разбить виноградник в Сенегале и что из этого вышло. В одну ночь термиты съели весь урожай винограда.

— Вот почему вы, господа, пьете сейчас французское шабли, а не абиджанский сотерн, — заключает свой рассказ наш новый знакомый.

Мы расплачиваемся и выходим на улицу. Нас обдает горячая волна воздуха, словно кто-то распахнул дверцы огромной топки.

Небо — белое от зноя, и кажется, его вообще нет, а над головой висит какое-то марево, закрывающее от нас солнце. Могучие деревья, дающие густую фиолетовую тень, создают впечатление, будто мы в лесу, а шныряющие под ногами ящерицы усиливают эту иллюзию.

Но это не лес, а самый центр Абиджана — столицы республики Берег Слоновой Кости, красивого белого города, на стенах которого еще висят синие, выгоревшие на солнце плакаты с надписью «Независимость, 1960 год».

На главной площади мы простились с нашим знакомцем и направились в порт. Идти было недалеко, но в полдень этот путь кажется невыносимо длинным: солнце превращает улицы Абиджана в суший ад. Чтобы передохнуть, мы часто останавли-

В. СИДЕНКО

НЕ ПОКУПАЙТЕ

вались под навесами многочисленных магазинов и лавок, делая вид, что рассматриваем товары. Одна из таких остановок была под тентом небольшой фруктовой лавки, выходящей на набережную лагуны. Из-за прилавка, заставленного товаром, на нас глянуло полное, румяное лицо француза. Обрамленное связками бананов, тяжелыми, похожими на гигантские еловые шишки ананасами, гроздьями зеленого перца, это лицо до странности напоминало портреты кисти Рубенса. При виде нас живой портрет ожил, засиял улыбкой. Перегнувшись через прилавок, торговец вопросительно произнес:

— Мсье?

Мы не собирались ничего покупать, но, согласитесь, неудобно стоять вот так под навесом торговца, не обращая внимания на его товары и улыбку.

— Скажите, мсье, у вас есть виноград?

Я не сомневался в ответе, потому что знал, что виноград в Западной Африке не растет.

Ответ был неожиданным: ну, конечно, он у него есть! Француз нагнулся и, поднатужившись, извлек из-под прилавка целый ящик отборного винограда, завернутого в папиросную бумагу.

— Превосходный виноград! Тысячу франков за килограмм. Сколько господа возьмут?

Вздохнув, я уже опустил руку в задний карман за деньгами, как вдруг почувствовал чье-то легкое прикосновение. Я оглянулся: передо мной стоял высокий молодой африканец в длинном, до пят, полосатом кенте и вязаной пестрой шапочке. Его глаза за широкими стеклами очков глядели мягко, но укоризненно.

— Извините, мсье,— сказал он.— Вы, наверное, иностранец. Я хочу сказать вам, что этот виноград из Южно-Африканской Республики. В ЮАР государственную власть захватили расисты. Если вы против расизма, вы не станете покупать этот виноград. Все, кто против расизма, не покупают товаров, поставляемых купцами-расистами из Южной Африки.

Сказав это, он указал своим коричневым, как у старого курильщика, пальцем на ярко-оранжевую этикетку, приклеенную к фанере ящика. На ней было написано: «South Africa Product».

— Убери свою лапу,— заорал на африканца хозяин лавки,— какое тебе дело, что я тут продаю! Ковыляй своей дорогой.

Африканец ничего не ответил, только усмехнулся в лицо торговцу, повернулся и зашагал в сторону порта. Африканец шел спокойно, придерживая одной рукой у плеча кенте.

— Вы будете брать виноград?— спросил нас продавец, все еще не оправившись от порыва злости.

— Нет, мсье,— сказал я.— Мы из Советского Союза. Там тоже не любят расистов.

УЧИТЕЛЬ ИЗ КОЙЯ

Всю дорогу от Конакри до Койя мы засыпали сопровождавшего нас француза, представителя туристской фирмы, вопросами.

Через час, взметая клубы бурой латеритовой пы-

ли и разгоняя кур, наш автобус въехал в маленькое селение, прилепившееся к подножию невысоких зеленых гор. Автобус остановился, и француз-гид, поднявшись с сиденья, объявил, что вот мы и приехали в Койя, где сможем познакомиться с настоящей, экзотической Африкой, которой еще не коснулось дыхание цивилизации.

Выйдя из автобуса, мы обнаружили, что находимся в центре деревни, настоящей африканской деревни. Приземистые хижины из тростника, обмазанного желтой глиной, хмуро смотрели на нас из-под высоких конусообразных соломенных шапок-крыш, нахлобученных почти до земли. За изгородью, отделявшей хижину от улицы, беспардонно срали петухи и шумели ребятишки, головы их были украшены странными, причудливыми прическами. Женщины, замотанные по пояс в яркий кусок ткани, с открытой грудью, толкли в ступах маниок толстыми, как палицы, пестами; стучали колеса водяной мельницы. Весь этот деревенский быт, казалось, говорил, что время не властно над этим кусочком земли, отвоеванным людьми у джунглей.

Через пять минут мы на рынке. Никогда и нигде я не встречал такого буйства красок, как на этом маленьком африканском торге.

Француз, довольный, расхаживал от одной группы к другой, повторяя: «Вот настоящая африканская деревня. Вы хотели ее увидеть — и вы увидели. Посмотрите на этих людей. Они живут, как жили тысячи лет назад. Где-то строят небоскребы, где-то изучают высшую математику, думают о полетах на другие планеты, а здесь еще первобытный век, эпоха палеолита».

— Неужели,— сказала одна из наших спутниц,— у них нет ни школ, ни больниц? Неужели они ничего не знают о событиях, происходящих в мире?

— Ничего, мадам, абсолютно ничего!

Мсье из туристской фирмы произнес это уверенно, но нам почему-то вдруг показалось, что он не так уж хорошо знает то, в чем настойчиво хочет усерить нас.

Хорошо, познакомимся с этой деревней сами. Мы идем по улицам, погружая ноги в мягкий, как ковер, слой пыли. То и дело под ногами попадаются выжатые апельсины: здесь их не едят, из них выдавливают и пьют сок, выжимки же выбрасывают. Путешествуя по деревне, мы у самого склона горы, на отшибе, увидели хижину несколько необычного вида. Она была не круглая, а вытянутая и крыта дранкой. Подойдя ближе, мы заглянули в открытую дверь. В довольно большом помещении сидели прямо на полу человек 40 ребятишек и, раскрыв тетрадки, слушали объяснения молодого парня, одетого в темный костюм.

Когда мы уже отошли от школы, за нашей спиной вдруг возник звон детских голосов. Мы обернулись: орава ребят высыпала на лужайку перед домом. У дома под навесом мы увидели и учителя, который, улыбаясь, махал нам рукой, просил вернуться. Мы пошли по узкой тропинке мимо огородов обратно в школу. Тотчас нас облепили ребята, и учителю пришлось пустить в ход весь свой учительский авторитет, чтобы отогнать их от нас.

ВИНОГРАД, МСЬЕ!

Помещение школы в гвинейской деревне Дюбойя выстроили сами жители. Это их добровольный трудовой вклад. Учитель Курума Джебилъ — тоже доброволец. Он взялся передать свои знания этим африканским ребятишкам, получившим наконец возможность учиться.

Фото Н. Гаврилова (Фотохроника ТАСС)

— Заходите в класс,— пригласил нас учитель.— Там нам не будут мешать. Вы из Советского Союза?

В классе пусто. Вся мебель — стол и стул, который учитель предложил одной из наших женщин. Остальные стоят.

Так мы познакомились с завхозом, завучем, преподавателем всех наук и директором школы, той самой школы, которой, по уверениям нашего гида, в деревне не было. Звали учителя Маджмутом. Он приехал сюда из Конакри по призыву гвинейского правительства учить ребятишек. Маджмут — член Демократической партии. Он с гордостью извлек из кармана пиджака книжечку в серой картонной обложке — членский билет и протянул его нам.

— Мы еще бедны, страшно бедны,— говорит он.— У нас не хватает учителей, не хватает грамотных людей, не хватает опыта, знаний...

— У вас будет все,— говорим мы,— и радио, и газеты, и больницы. Главное — вы теперь свободны.

Маджмут кивает головой. Потом, улыбаясь, говорит:

— Пойдемте, я вам кое-что покажу.

Он ведет нас по улицам, шагая легко, уверенно, как хозяин этой деревни. Крестьяне встречают его поклонами и улыбками, в которых чувствуется уважение. Он ведет нас в местное бюро Демократической партии — небольшой каменный домик, на фронтоне которого синей краской нарисован слон, поднявший хобот, — эмблема Демократической партии Гвинеи. Это центр деревни, ее мозг. Отсюда рукой подать до кооперативной лавки. Высокие стеллажи заставлены рулонами материи, посудой и другими товарами.

С веранды лавки учитель показывает нам ослепительно зеленое поле, расположенное на склоне горы. Он объясняет, что это не простое поле, а коллективное. На нем все крестьяне сообща выращивают рис, который затем распределяется между всеми тружениками...

На площади, где ждет нас автобус, мы возвращаемся с опозданием. Все уже в сборе. Нас встречают негсдующими возгласами. Только гид улыбается и доверительно спрашивает:

— Ну как? Понравилась африканская деревня?

— Очень,— отвечаем мы ему вполне искренне.